ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И КИБЕРУГРОЗ

М. Мамашарифов
Магистр права в УМЭД,
Факультет Международное право
Почта: muhammadjonm077a@gmail.com
https://doi.org/10.5281/zenodo.21947074

Аннотация. В статье рассматриваются основные терминологические трудности, возникающие в рамках исследований цифровой дипломатии. Несмотря на быстрый рост публикаций и расширение тематического поля, единообразия в понятийном аппарате до сих пор нет. Разрозненность подходов усугубляется постоянным появлением новых обозначений, смещением их содержания и отсутствием преемственности между этапами развития дисциплины. Постепенно в научных работах наметился отход от ранних терминов вроде «электронной дипломатии» или «твипломатии», хотя в отдельных регионах они по- прежнему встречаются. Наиболее устойчивыми оказались понятия «цифровая дипломатия», «кибердипломатия» и «цифровая публичная дипломатия» именно они, судя по динамике публикаций, обладают наибольшим потенциалом к дальнейшему концептуальному развитию. Автор подчёркивает необходимость упорядочить терминологический ряд, предложить ясную периодизацию и точные определения, а также выстроить системную интеграцию появляющихся понятий в уже сложившийся понятийный каркас. Анализ существующей литературы позволяет выделить три актуальных направления: использование новых технологий дипломатами, появление цифровой тематики в повестке международных переговоров и взаимодействие дипломатии с компьютерными и аналитическими науками.
Ключевые слова: цифровая дипломатия, кибердипломатия, дипломатия данных, цифровые международные отношения, научная дипломатия.

Abstract. The article examines the main terminological challenges in the study of digital diplomacy. Despite the rapid growth of publications and the expansion of the research field, there is still no consensus on the conceptual apparatus. The fragmentation of approaches is exacerbated by the constant emergence of new terms, shifts in their meaning, and the lack of continuity between different stages of the discipline’s development. Early concepts such as “e-diplomacy” and “Twiplomacy” have gradually fallen out of widespread use, although they continue to appear in certain regions. The most resilient and promising terms, according to publication trends, are “digital diplomacy,” “cyber diplomacy,” and “digital public diplomacy,” which show the greatest potential for further conceptual development. The author stresses the urgent need to streamline the terminological framework, propose a clear periodization and precise definitions, and systematically integrate emerging concepts into the existing conceptual structure. A review of the literature reveals three dominant contemporary research directions: (1) the adoption of new technologies in everyday diplomatic practice, (2) the emergence of digital/cyber issues on the international negotiating agenda, and (3) the growing intersection of diplomacy with computer and data sciences.
Keywords: digital diplomacy, cyber diplomacy, data diplomacy, digital international relations, science diplomacy

Интерес к влиянию цифровых инструментов на международную деятельность начал активно проявляться в начале 2000-х годов, хотя первые рассуждения о возможностях новых технологий в дипломатии появлялись значительно раньше. При этом важно помнить, что технологические вызовы возникали перед дипломатами не впервые: в прошлом похожую трансформацию спровоцировали изобретение телеграфа и развитие парового транспорта, которые резко ускорили коммуникацию между внешнеполитическими ведомствами и зарубежными представительствами. Аналогичным образом распространение интернета, электронной почты и затем социальных сетей расширило объём доступной дипломатам информации и увеличило скорость её обработки.

Постепенное наращивание технологического влияния породило значительное количество терминов: «медиадипломатия», «виртуальная дипломатия», «гибридная дипломатия», «е-дипломатия», «нетдипломатия», «дипломатия в реальном времени»,

«публичная дипломатия 2.0» и ряд других. Часть этих понятий так и не получила широкого применения либо из-за чрезмерно узкой сферы действия, либо из-за недостаточной проработанности. В то же время концепты «цифровой дипломатии» и «кибердипломатии», включая их различные интерпретации, постепенно закрепились в научной среде. Поэтому одной из задач настоящего исследования является критический обзор наиболее значимых подходов к пониманию этих терминов и рассмотрение дальнейших траекторий их развития, в том числе на примере «дипломатии данных».

Исследования, посвящённые цифровым технологиям в дипломатии, стали активно развиваться в переходный период между 1990-ми и 2000-ми годами. Однако термин

«цифровая дипломатия» получил системное содержание после выхода книги Уинтона Дизарда-младшего *Digital Diplomacy: US Foreign Policy in the Information Age* (2001). Хотя автор и не давал строгого определения, он выделял три ключевых компонента: новую внешнеполитическую повестку, связанную с контролем информационных потоков; внутренние организационные процессы, меняющиеся под воздействием технологий; и растущую роль прямой коммуникации с зарубежной аудиторией. Примечательно, что для Дизарда «цифровыми» считались и те технологии, которые сегодня воспринимаются как обычные — например, спутниковое телевещание. Это демонстрирует характерную особенность развивающейся терминологии: то, что на определённом этапе считалось инновацией, достаточно быстро перестаёт таковой быть.

Основной всплеск интереса к термину «digital diplomacy» произошёл после включения его в стратегический IT-документ Госдепартамента США (2011–2013). Притом что чёткое определение так и не появилось, в практике он стал ассоциироваться прежде всего с использованием социальных сетей. Вследствие этого в научных работах 2010-х годов укрепились два подхода: «узкий», рассматривающий цифровую дипломатию как разновидность публичной дипломатии и инструмент формирования образа государства в социальных сетях, и «широкий», акцентирующий внимание на комплексном влиянии технологий на всю дипломатическую деятельность от консульских функций до аналитики данных и управления кризисами. Примечательно, что сами исследователи корректировали свои подходы достаточно быстро. Иллан Мэнор, например, сначала трактовал цифровую дипломатию исключительно как стратегическое использование социальных сетей, но уже спустя два года предложил более объёмную концепцию, охватывающую широкий спектр

ИКТ. Для структурирования подобных подходов Корнелиу Бьола предложил деление на микро- и макроуровни, что помогло избежать излишней расплывчатости понятий.

Отдельно стоит упомянуть вспомогательные термины вроде «твитпломатии», которые в какой-то момент были чрезвычайно популярны, но затем уступили место более широким определениям. Тем не менее они продолжают использоваться в анализе публичной дипломатии, особенно в условиях возросших рисков дезинформации и киберугроз. Не меньшую путаницу вызывает параллельное использование термина

«кибердипломатия». Он возник практически одновременно с цифровой дипломатией и первоначально обозначал деятельность государств в интернете, однако в современной трактовке охватывает вопросы глобального управления киберпространством, кибербезопасности и международного регулирования технической инфраструктуры. Сегодня кибердипломатия включает участие государств в обсуждении норм поведения в киберпространстве, меры доверия, деэскалацию киберинцидентов и выработку принципов неприменения кибероружия. Для наглядного разделения двух понятий можно использовать аналогию: цифровая дипломатия фокусируется на том, как технологии меняют саму дипломатическую практику, тогда как кибердипломатия занимается регулированием технологического пространства как особой сферы международных отношений. Такое разграничение активно закрепляется и в современных стратегиях крупнейших акторов, включая ЕС, США и Китай, и становится основой образовательных программ в различных дипломатических школах.

Цифровая дипломатия как средство для дипломатов

Исследования, посвящённые влиянию информационно-коммуникационных технологий на дипломатическую практику начали массово появляться на рубеже 1990– 2000-х годов [27; 29]. Однако первое системное употребление термина «цифровая дипломатия» связано с книгой Уинтона Дизарда-младшего «Digital Diplomacy: US Foreign Policy in the Information Age» (2001) [17]. Мы выделили три ключевых измерения явления:

- внешнеполитическая повестка (policy): появление новых тем, связанных с развитием средств связи и контролем над информационными потоками; внутренняя организация (operations): перестройка процессов работы с информацией внутри внешнеполитических ведомств и смежных структур;
- публичная дипломатия: усиление прямого обращения к зарубежной аудитории через цифровые каналы.

Важно учитывать, что для Дизарда понятие «цифровой» включало значительно более широкий спектр технологий, чем сегодня: в него входило, например, спутниковое телевещание, а начало цифровой дипломатии он отсчитывал ещё с 1950–1960-х годов. Эта черта характерна для всей терминологии области: то, что вчера воспринималось как новое и «цифровое», завтра становится обыденным и перестаёт маркироваться подобным образом. В настоящее время никто не относит к цифровой дипломатии обычную пересылку документов по электронной почте или использование флеш-накопителей.

Именно из-за столь широкого толкования работа Дизарда осталась несколько в стороне от современного мейнстрима. Основной всплеск публикаций с использованием термина «цифровая дипломатия» пришёлся на период после 2011 года — после того, как словосочетание было заимствовано из официального IT-стратегического плана Государственного департамента США на 2011–2013 годы. Чёткого определения там также не содержалось, однако суть формулировалась

следующим образом: цифровая дипломатия призвана «расширять взаимодействие и обмен информацией с внутренними и внешними стейкхолдерами за счёт современных инструментов социальных сетей и полезных цифровых ресурсов для решения задач дипломатии и развития». В тот период социальные сети находились на пике завышенных ожиданий по модели Gartner, поэтому именно они, а не электронная почта, защищённые каналы связи или внутренние цифровые платформы, стали главным объектом внимания практиков и исследователей.

В работах после 2011 года доминируют два фундаментальных подхода к пониманию цифровой дипломатии: узкий и широкий. Узкий подход трактует её преимущественно как использование цифровых инструментов для формирования зарубежного общественного мнения и в рамках публичной дипломатии [2; 5]. В центре внимания коммуникационные платформы и взаимодействие с аудиторией, поэтому под цифровой дипломатией чаще всего понимается работа в социальных сетях (в первую очередь Twitter, ныне X) и на официальных веб-ресурсах, позволяющая напрямую обращаться к глобальной публике, распространять нарративы и отслеживать реакции в реальном времени. Данный подход сохраняет особую актуальность в условиях, когда социальные медиа превратились в ключевой инструмент оперативного реагирования на кризисы — что ярко проявилось в геополитических событиях 2024–2025 годов, включая борьбу с дезинформацией в ходе крупных конфликтов.

Широкий подход рассматривает цифровую дипломатию как общее воздействие цифровых инноваций на всю дипломатическую систему [21; 23; 24]. Он охватывает не только публичные коммуникации, но и внутренние процессы — анализ больших данных для прогнозирования тенденций, интеграцию искусственного интеллекта в переговорные стратегии и др. Поскольку исследователи нередко пересматривали свои дефиниции в течение одного-двух лет, сегодня сложно жёстко привязывать тот или иной подход к конкретным странам или школам. Это отражает общую динамику дисциплины, где понятия эволюционируют под влиянием технологических прорывов — в частности, активного внедрения ИИ, зафиксированного в стратегиях ЕС и США 2025 года [2].

Яркий пример такой эволюции - работы Илана Мэнора. В 2015 году совместно с Э. Сегевом он определял цифровую дипломатию как стратегическое использование государствами социальных сетей для реализации внешнеполитических задач и управления национальным брендом [23]. Уже к 2017 году Мэнор существенно расширил концепцию, описав её как всестороннее влияние ИКТ на дипломатию — от базовой электронной почты до продвинутых мобильных приложений [22]. Корнелиу Бьола предложил разделил явление на микро- и макроуровни: макроуровень — глобальный контекст, сетевая мощь и мягкая сила; микроуровень — конкретные технологии в повседневной практике (консульская поддержка, кризисный менеджмент, работа с аудиторией) [14]. Параллельно Мэнор и ряд других авторов (включая Н. А. Цветкову [10]) выделили цифровизацию публичной дипломатии в отдельную ветвь, акцентируя целенаправленное использование соцсетей для продвижения образа государства.

Отдельный интерес в контексте эволюции цифровой дипломатии представляет опыт Республики Узбекистан, который за последние восемь лет совершил резкий рывок от почти с нулевой отметки. После 2016 года в рамках общей политики открытости и стратегии

«Digital Uzbekistan-2030» цифровые инструменты были целенаправленно интегрированы во внешнеполитическую деятельность. МИД Узбекистана и зарубежные посольства активно ведут активные аккаунты в Telegram, Instagram,

Facebook и X, где основное внимание уделяется продвижению туристического бренда, инвестиционных возможностей и оперативному информированию о внешнеполитических событиях [7]. По состоянию на 2025 год суммарная аудитория официальных страниц превышает 100 тыс. подписчиков, а частота публикаций достигает 15–20 постов в неделю на всех платформах.

Важным институциональным шагом стало создание в структуре МИД специализированных подразделений data-driven diplomacy (при поддержке UNDP в 2019– 2021–2021 гг.), а также включение курсов по цифровой и тех-дипломатии в программу Дипломатической академии при Университете мировой экономики и дипломатии. С 2022 года Узбекистан активно участвует в цифровых треках ШОС, «Центральная Азия +» и глобальных инициативах (Global Digital Compact, WTO JSI on E-commerce), выступая уже не только реципиентом, но и соавтором региональных повесток [6].

Показательно, что IT-экспорт страны вырос с почти нулевого уровня в 2017 году до 344 млн долларов в 2023 году, а цифровая дипломатия стала одним из ключевых каналов привлечения иностранных инвесторов в IT Park. При этом Узбекистан пока отстаёт от Казахстана по креативности контента и глубине аналитического использования больших данных, однако демонстрирует устойчивую положительную динамику в большинстве международных рейтингов цифровой дипломатии.

Кибердипломатия как пространство дипломатической игры

Терминологическую путаницу существенно усиливает одновременное существование понятия «кибердипломатия». Оно появилось практически синхронно в 2002 году в коллективной монографии под редакцией Эвана Х. Поттера «Cyber-Diplomacy: Managing Foreign Policy in the Twenty-First Century» [27], где также отсутствовало строгое определение.

Современное понимание сформировалось после 2011 года благодаря документам Госдепартамента США и затем закрепилось в международных организациях. Классическими примерами кибердипломатии сегодня служат деятельность Открытой рабочей группы ООН по ответственному поведению государств в киберпространстве (OEWG), переговоры по деэскалации киберинцидентов и попытки выработать рамочные договорённости о неприменении кибероружия первым ударом.

Наиболее лаконичное и часто цитируемое определение дал Шон Риордан: кибердипломатия - это «применение дипломатических инструментов и дипломатического мышления к решению проблем, возникающих в киберпространстве и из-за киберпространства». После серии крупных трансграничных инцидентов 2023–2025 годов многие государства ввели должности «послов по кибервопросам» и создали специализированные подразделения кибердипломатии в МИДах.

Удобную аналогию для разграничения предложил Е. А. Коньков [3]:

- цифровизация дипломатии — внедрение технологий в существующие дипломатические процессы;
- политика цифровизации — управление самим развитием технологий как политическая задача.

Перенося эту логику на нашу область, получаем:

- Цифровая дипломатия — дипломаты используют цифровые инструменты в традиционной работе (соцсети, защищённые мессенджеры, большие данные, VR-переговоры и т.д.).
- Кибердипломатия — дипломаты регулируют само киберпространство как новую глобальную сферу (нормы поведения, меры доверия, контроль

кибервооружений, защита критической инфраструктуры, борьба с транснациональной киберпреступностью).

1. Если наложить современную терминологию на три компонента, выделенные Дизардом ещё в 2001 году, получается стройная и уже широко применяемая триада: Цифровая дипломатия в узком смысле — повседневное использование цифровых технологий в дипломатической практике.

2. Цифровая публичная дипломатия — специальное применение тех же технологий для работы с зарубежной аудиторией и формирования имиджа государства.

3. Кибердипломатия — участие дипломатов в создании правил игры в киберпространстве и управлении связанными с ним рисками.

Именно такое разделение всё чаще фиксируется в официальных документах 2024– 2025 годов: European Union Global Digital Diplomacy Strategy (2024), International Cyberspace & Digital Policy Strategy США (2024–2028), китайская концепция киберсуверенитета и

«сообщества единой судьбы в киберпространстве», а также в новых учебных курсах Дипломатической академии МИД России, Clingendael, DiploFoundation и Geneva Centre for Security Policy.

Следовательно, несмотря на сохраняющуюся фрагментацию, в академической и практической среде постепенно складывается консенсус: цифровая дипломатия — это про то, как технологии меняют привычные дипломатические процессы, а кибердипломатия про то, как дипломаты формируют правила и предотвращают конфликты в самой технологической сфере. Граница остаётся подвижной, однако функциональное различие уже достаточно чётко, чтобы служить основой для дальнейшего развития дисциплины.

Дата-дипломатия: термин на стыке дисциплин

Среди относительно новых понятий, которые в последние годы стремительно набирают вес, особое место занимает дата-дипломатия (data diplomacy). Её рост напрямую связан с тем, что государства всё активнее используют большие данные, предиктивную аналитику и генеративный искусственный интеллект не только для внутренней оптимизации внешней политики, но и как непосредственный инструмент влияния и предмет переговоров. К 2024–2025 годам это уже не теоретическая конструкция: специализированные подразделения data-driven diplomacy созданы в МИДах США, Китая, Великобритании, Франции, Сингапура, Эстонии и ряда других стран, а Европейский союз включил «дипломатию данных» в качестве одного из ключевых направлений в Global Gateway Strategy и International Digital Partnerships Framework. Дата-дипломатия стала, пожалуй, наиболее показательным примером той терминологической проблемы, которая обсуждается на протяжении всей статьи: новый термин одновременно «приземляется» в несколько разных концептуальных традиций и тем самым порождает когнитивный разрыв между исследователями разных школ.

В узбекской научной литературе дата-дипломатия чаще всего рассматривается как очередной этап эволюции цифровой дипломатии момент, когда большие данные и искусственный интеллект становятся системным инструментом реализации внешнеполитических задач. Так, Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник и Т. А. Гришанина определяют её как «новую фазу цифровой дипломатии, характеризующуюся массовым внедрением аналитики больших данных в дипломатическую практику» [12].

В англо-американской и частично континентально-европейской традиции корни термина лежат в области научной дипломатии (science diplomacy). Первым системно

ввёл понятие Тимоти Дай (Университет Рочестера) в 2015 году под названием Big Data Diplomacy, определяя его как «интеграцию принципов data science и вычислительных методов в международные отношения и дипломатическую практику» [18]. Совместно с соавторами он предложил триаду, построенную по аналогии с классической моделью science diplomacy [16]:

- Data in diplomacy — использование данных внутри традиционных дипломатических процессов (анализ общественного мнения, предиктивное моделирование кризисов, консульские сервисы на основе больших данных).
- Data for diplomacy — совместная выработка стандартов обмена данными, интероперабельности и этических рамок (например, переговоры по Global Digital Compact в ООН 2024–2025 гг.).
- Diplomacy for data — создание дипломатических платформ ради доступа к данным и их совместного использования (UN Global Pulse, Data Collaboratives, волонтёрские сети data scientists для гуманитарных миссий).

Эта триада оказалась крайне продуктивной и активно цитируется в документах Всемирного банка, OECD, рабочей группы G20 по цифровой экономике, а также легла в основу нового курса «Data Diplomacy» в Женевской школе дипломатии (2025).

Однако именно множественная укоренённость термина и создаёт основную сложность. Один и тот же термин одновременно существует:

- в рамках цифровой дипломатии (как внутренний аналитический инструмент МИДов);
- в рамках научной дипломатии (как междисциплинарное сотрудничество экспертов);
- в рамках кибердипломатии (когда речь идёт о трансграничных потоках данных, локализации, суверенитете данных — темы, уже выделенные в отдельный трек в OEWG ООН и EU–India Trade and Technology Council).

В результате исследователь, сталкиваясь с термином «data diplomacy», до сих пор не может заранее знать, о чём именно идёт речь: об анализе твитов в посольстве, о переговорах по стандартам климатических данных или о предотвращении «войн данных» между США и Китаем по поводу TikTok и полупроводников. Практика 2024–2025 годов показывает, что такая неоднозначность уже мешает работе. На Саммите за демократию (2025), Global AI Governance Summit в Париже и в рамках Joint Statement Initiative WTO по электронной торговле государства всё чаще прибегают к трём различным формулировкам:

- data-driven diplomacy — аналитика внутри ведомств;
- data governance diplomacy — переговоры о глобальных правилах;
- diplomatic data cooperation — научно-техническое и гуманитарное сотрудничество.

На наш взгляд, наиболее конструктивный путь лежит не в бесконечном умножении новых терминов, а в их системной интеграции в уже сложившуюся концептуальную структуру. Наиболее перспективной представляется следующая иерархия, выстроенная на основе триады Дизарда и современных исследований:

1. Цифровая дипломатия (в широком смысле) — любое использование цифровых инструментов в дипломатической практике.
2. Цифровая публичная дипломатия — специальное применение этих инструментов для работы с зарубежной аудиторией.
3. Кибердипломатия — выработка норм и правил функционирования киберпространства.
4. Дата-дипломатия — подчинённый, но самостоятельный слой, который пронизывает первые три направления: использование больших данных и ИИ внутри

цифровой и публичной дипломатии, а также как предмет регулирования в рамках кибердипломатии.

Только при такой иерархической привязке удастся избежать дальнейшего размывания понятийного аппарата. В противном случае в ближайшие годы мы неизбежно получим «AI-дипломатию», «квантовую дипломатию», «блокчейн-дипломатию» и «нейро- дипломатию» каждый раз начиная концептуальную работу практически с нуля. Опыт периодизации, уже частично апробированный в ряде работ [4; 8; 10; 30] и закреплённый в новых стратегиях ЕС и США 2024–2025 годов, показывает, что единственный способ перейти от терминологического хаоса к накоплению знаний жёстко фиксировать этапы и привязывать новые понятия к уже существующей системе координат.

Вывод.

Исследования цифровой дипломатии продолжают оставаться одной из наиболее динамичных, но при этом терминологически фрагментированных областей современных международных отношений. Быстрое развитие технологий опережает способность научного сообщества вырабатывать устойчивые и общепризнанные дефиниции, в результате чего дисциплина переживает постоянное расширение и одновременно размывание понятийного аппарата.

Больше двадцати лет эволюции поля из первоначального «зоопарка» терминов («твипломатия», «е-дипломатия», «дипломатия 2.0», «нетдипломатия» и др.) в живых и активно развивающихся остались лишь три базовых концепта: цифровая дипломатия, кибердипломатия и цифровая публичная дипломатия. Именно они демонстрируют наибольшую устойчивость, наибольшую частотность в научных публикациях и, что особенно важно, уже получили институциональное закрепление в официальных стратегиях ведущих мировых акторов (ЕС, США, Китай, Россия и др.) и в учебных программах дипломатических академий 2024–2025 годов.

Наиболее работоспособной и уже частично реализованной на практике оказалась триада, восходящая к трём измерениям У. Дизарда (2001) и уточнённая современными авторами: 1. Цифровая дипломатия в узком смысле; 2. Цифровая публичная дипломатия; 3. Кибердипломатия.

К этой триаде в последние годы всё активнее пристраивается четвёртый слой — дата-дипломатия, который одновременно выступает и как инструмент первых двух направлений, и как предмет регулирования третьего. Однако его множественная укоренённость (в цифровой, научной и кибердипломатии) пока порождает дополнительную путаницу и требует жёсткой иерархической привязки.

Таким образом, дальнейшее развитие дисциплины возможно только при выполнении трёх условий:

- фиксация чёткой периодизации (например, 1990-е – 2010: становление; 2011–2020: социальные сети и публичная дипломатия; 2021–наст. время: данные, ИИ и кибербезопасность);
- принятие единой базовой триады как системы координат;
- системная интеграция всех новых терминов («дата-дипломатия», «AI-дипломатия», «тех-дипломатия» и т.д.) исключительно в качестве подчинённых или пересекающихся слоёв внутри этой триады, а не параллельных самостоятельных концептов.

Только при таком подходе цифровая дипломатия сможет окончательно перейти от стадии терминологического хаоса и конкуренции определений к стадии накопления знаний, сравнительных исследований и выработки практически применимых

рекомендаций. В противном случае дисциплина рискует остаться в перманентном состоянии

«переоткрытия» одних и тех же явлений под новыми ярлыками, что существенно затруднит как академический диалог, так и выработку эффективной государственной политики в условиях ускоряющейся цифровой трансформации международных отношений.

Список использованных источников:

1. Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник СанктПетербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 47–68.
2. Павлюченко А. А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3(28). С. 69–81.
3. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С. 53–60.
4. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220–249.
5. Сурма И. В. Цифровая дипломатия : монография. М. : Сам Полиграфист, 2020. 124 с.
6. Алламуродов Б.Х. Цифровая дипломатия как инструмент реализации внешней политики стран Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана). Россия и мир: научный диалог. 2023;(4):22-35.
7. Шерзод, А. (2023). Цифровая дипломатия какинструмент расширения многостороннего диалога и сотрудничества: на примере ШОС. Узбекистан – стратегия 2030 с точки зрения молодых ученых: экономика, политика и право, 1(1), 6–11.
8. Теленьга М. П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // AMERICANA. 2020. № 16. С. 250–267.
9. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.
10. Цветкова Н. А., Сытник А. Н., Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 2. С. 174–196
11. AlSaied N. Twitter Diplomacy: Media Polarization Before and After the Abraham Accords. Las Vegas : Pensiero Press, 2022. 287 p.
12. Bjola C. Digital diplomacy – the state of the art // Global Affairs. 2016. Vol. 2, N. 3. P. 297–
13. 299. https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1239372.
14. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022. Vol. 98, N 2. P. 471–491. https://doi.org/10.1093/ia/iiac005
15. Data Diplomacy / A. Boyd, J. Gatewood, S. Thorson, T. Dye // Science & diplomacy. 2019. Vol. 8.
16. Dizard W. P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Westport, Conn : Praeger, 2001. 356 p.
17. Dye T. Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. 2015. P. 19-20. 31.

18. Gilboa E. Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol. 12. N. 2. P. 1–28.
19. Hanson F. Revolution @State: The spread of ediplomacy. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2012. 84 p.
20. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age. Wassenaar: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2015.
21. Manor I. The Digitalization of Diplomacy- Toward Clarification of a Fractured Terminology
22. // Digital Diplomacy Working Paper. 2017. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31199.36004
23. Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 372 p.
24. Manor I., Segev E. America's Selfie: How the US Portrays Itself on its Social Media Accounts
25. // Digital diplomacy: theory and practice / eds. C. Bjola, M. Holmes. London ; New York : Routledge, 2015. 252 p.
26. Metzl J. F. Network Diplomacy // Georgetown Journal of International Affairs. 2001.Vol. 2, N1. P. 77–87.
27. Pilegaard J. Virtually Virtual? The New Frontiers of Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2017. Vol. 12, N. 4. P. 316–336. https://doi.org/10.1163/1871191X-12341356
28. Potter E. H. (Eds.) Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century. Montréal : McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 334 p.
29. Khatib L., Dutton W., Thelwall M. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team // Middle East Journal. 2011. Vol. 66. https://doi.org/10.2307/23256656
30. Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age / R. Burt, O. Robison, B. Fulton. W, DC : CSIS, 1998. 87 p.
31. Seib P. Real-time diplomacy: politics and power in the social media era. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 256 p.
32. Suwwan N. Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy. Washington : Academica Press, 2022. 112 p.
33. Tsvetkova N. A. Digitalization of U. S. Public Diplomacy // Digest of World Politics. Annual Review. 2020. Vol. 10. P. 432–443. https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29.